TWILIGHT TIME.

Разговор на Колокольной улице.
- Кастрюли починять, ножи точить, бритвы править...
- Даст Бог хорошую погоду...
- Даст Бог, даст Бог, Дажьбог...
- Кастрюли починять, бритвы править...
Витражи, серебро, полумрак.
- Парижский пьяница Ступаков покончил с собой. Бросился под поезд сегодня утром. На вокзале возле Золотых Ворот.
- Кастрюли починять, бритвы править...
Падает снег, и идти по Колокольной улице, когда ночь только начинается, и едут машины, и дует ветер; было: оранжевый вечер в кафе, пустота за окном, следы на снегу. Качались фонари. В подъезде слышно, как прошел трамвай, как кто-то говорит по телефону; окна на площади, луна и пустая улица.
- Кастрюли починять, бритвы править...
Шаги возвращаются эхом, когда некуда идти; декабрьским вечером за полчаса до полуночи выхожу из кафе на Ординарной и вижу рыбу, занесенную снегом.

***

Оттого, что говорил во сне; по потолку ползут огни, будильник тикает под кроватью, еще есть время; только не сегодня, может быть, зимой, когда будет не так страшно утром, когда будет темно и холодно, и под ногами будет хрустеть лед, и окна замерзнут, и не будет
огней на потолке, и изо рта будет идти пар, нет, не сегодня, сегодня мой день рождения, и на кухне есть чай и конфеты, нужно только выбраться из под одеяла, все равно не уснуть; как гудят баржи на реке, последний день навигации, позавчера шел снег, сегодня мой день рождения, и ночи уже темные, нужно снять абажур, в желтом свете как рыба, особенно когда на улице дождь; в городе много рябины, зима будет холодной и снежной; во дворе горят окна, горят всю ночь - за окнами лестницы, тени; шипит пар, качаются фонари, идет дождь, начало декабря, позавчера шел первый снег; скоро все закончится, только не сегодня, в воскресенье; еще полмесяца, месяц; выйти в 4.40 по свежему снегу через двор на улицу, пройти мимо памятника, свернуть налево; мимо телефонной будки, вдоль ограды до угла; Ангел всегда просыпается в это время и смотрит в окно, он спустится и откроет дверь или помашет рукой, он не знает, как сегодня страшно; без пяти пять он всегда выходит из дома и идет на почту; может быть, он все-таки спустится и пригласит с ним позавтракать, он не знает, как страшно, подумает, что просто не спится.

***

Черная труба котельной делит окно пополам; в открытую форточку ночью заносило кусочки копоти, они повсюду - на зеленых обоях, на паутине в углу; в кухне гремят кастрюлями соседи, отчего желудок сжимается, и не уснуть; за окном начинается дождь, и копоть уже не летит, дым стелется над цветными лужами к набережной; смотришь на отражения в зеркале - пианино, скалящееся из угла, бутылки на полу, край полосатого матраса и часы на стене. Пахнет геранью, как всегда в дождь, герань расцвела позавчера, когда приходил почтальон; ночью гудели баржи и было не уснуть, долго, пока не свели мосты; в коридоре кто-то открывает дверь и стряхивает воду с зонта; часы бьют четверть, черепаха доползает до стены и втягивает голову. Черепаху зовут Лиза, ее принес почтальон, нашел на берегу; она была вся в песке, лежала на ладони и шевелила лапами, оранжевая, ела капустные листья, сейчас, наверное, она уснула; в коридоре кто-то снимает ботинки, и хлопает дверь; на кухне свистит чайник; сегодня воскресенье, сегодня дождь; можно думать о драконах, о рыбах и как идет дождь, из окна пахнет хлебом, машины шелестят по набережной, рыбаки стоят у парапета, стреляет пушка, полдень. Встать, одеться, так же, как вчера, выйти в коридор, надеть пальто, захлопнуть дверь, на лестнице гулко, слышно, как уезжают трамваи и как разговаривают жильцы; в асфальте отражается серое небо. Если проходя мимо башни свернуть направо, можно попасть в этот двор - через подворотню, с потолка которой капает вода - и эхо, и желтые стены, покрытые граффити, через двор-колодец, засыпанный строительным мусором, свернуть в арку, разделяющуюся на три хода - правый ведет в точно такой же колодец, средний - к мусорным бакам, а левый открывается в улицу, вдоль стены выходящую на набережную, через низкую дверь в стене; был конец ноября, волны разбивались о гранитные ступени и брызги взлетали и падали на асфальт, сверкающие; день как молоко, и, хотя ветрено, во дворе тихо и пахнет опавшими листьями; дом красного кирпича потемнел, с крыши капает; на скамейке сидит слепой, у его ног - овчарка, со шляпы стекает на плащ, он слышит шаги, поднимает руку, и сесть рядом, слушать, как он говорит. Ночью пройти по железному мосту и свернуть к кладбищенской ограде, идти вдоль реки, мимо могил и увядающих цветов, по опавшим листьям, чувствовать запах земли и осенней холодной воды, слышать, как по берегу залива идут электрички; идти до Невы, еще не развели мост, по набережной, пахнущей хлебом, собака тянет за поводок, ветер становится холоднее; перейти через мост и идти вдоль причала к Тучкову, мимо спящих кораблей, от

которых веет теплом; через Тучков на Большой, на Большом ночью всегда много людей и они разговаривают громко, как будто чего-то боятся; Джек обходит их, они боятся слепого с собакой, моего изуродованного лица; идем на мост через Карповку где ветер, где плещется вода, и ветер пахнет морем, северный ветер, несущий снеговые тучи; и как падал первый снег, таял на коже, помню, как радовался Джек, когда шли домой две недели назад; на мосту слушали, как гудели корабли на Неве; возвращаясь, встретили Ангела, он шел на работу и, как всегда, поздоровался за руку и сказал, что зайдет почитать письма во вторник.

***

Ночью на набережной Карповки у моста ждать рассвета и можно, я сяду рядом, все в порядке, и вы кого-то ждете, нет, если только когда сведут мосты, ведь я живу на Васильевском и можно с вами поговорить? Он умер во вторник в больнице на Большом от аппендицита; слишком поздно, я только приехала; да, спасибо, можно от вашей, слишком ветрено я с не могу уснуть, сегодня уже понедельник, тогда было воскресенье, он сказал, что болит живот и его рвало и я живу на Кронверкской, в доме с памятником во дворе; когда приехала скорая, он был без сознания, может быть, знаете Ангела, почтальона, он часто бывает на Васильевском, на улице Репина, у него там друг, слепой, Ангел читает ему письма, Ангел вызвал ему врача, но врач прописал только какие-то таблетки и ушел; он заходил сегодня, и я не смогла с ним разговаривать; он все время чего-то боялся, обыкновенных вещей кругом, особенно утром; просыпался в четыре, я притворялась, что сплю, он шел на кухню наливал чаю и возвращался в комнату, стоял, смотрел в окно на первые трамваи; неделю назад был его день рождения, я звонила ему, он сказал, что пьян и говорил о рыбах и о драконах, и что, наверное, скоро все занесет снегом, и что зима будет снежной; ты видела, сколько рябины, приезжай скорее, здесь идет дождь и я как рыба; наверное, у него уже была высокая температура; он всегда приносил цветы, когда шел дождь, может, вы его знали, он часто приходил на этот мост ночью, когда был один, здесь мы познакомились;
боялся умереть зимой, когда метель и льдинки стучат в стекло, и повезут мимо реки, на которой толстый, синий на изломах лед, мимо вмерзших кораблей, по асфальту, посыпанному крупной солью, блестящему в свете оранжевых фонарей, сквозь чужие запахи; спасибо, я действительно замерзла; ему сейчас тепло и он ничего не боится, он был странный и говорил, что боится статуй на детских площадках - деревянных витязей, каменного верблюда, рыб - и старался не проходить мимо них, хотя бы если такой путь и не был бы самым коротким, спасибо, думаю, теперь я засну, здравствуйте, Ангел.

***

Сегодня ночью на чердаке думать, когда пойдет дождь; едет первый трамвай, дует ветер, и скоро снова будет холодно, как прошлой зимой, когда снег заносило сквозь щели в крыше и в трубах выло, выло ночами, и было не уснуть, как сейчас, когда на Неве гудели баржи; начинается дождь; пять утра; пять утра, потому что Ангел уходит на работу, хлопает дверь, и звенят ключи; голуби воркуют во сне, по балкам ползут тени; знаю, когда в доме кто-нибудь умирает, как сейчас, становится тихо, только дождь стучит; потому что утро, облака низкие; как течет утро; всю ночь падали листья, тополя почти голые, качаются; доброе утро, к вечеру пойдет снег, Ангел всегда знает, когда пойдет снег, говорит, что накануне ночью снятся рыбы; он вообще странный, Ангел, но я знаю сны Ангела, его сны как фильмы, неправильно склеенные при монтаже; сегодня снились рыбы, огромные, белые, снилось, как ищет улицу, но не может найти; снились драконы и деревянные витязи, и не знает обратную сторону ночи, и во сне выбирается галереями проходных дворов на другую, языческую сторону ночи; чудесные звери бродят по улицам, пахнущим хлебом; человек в дырявом пальто жжет ящики под мостом, смотрит на вещи, проплывающие мимо, на тающий лед, пока не зазвонят утренние колокола; я знаю сны Ангела, но мне никогда не приходит писем.

***

Если прижаться лбом ко стеклу, то все превратится в нагромождение разноцветных - синих, зеленых, желтых пятен, - город, быстро плывущие оранжевые облака, улица, фонари и искрящийся снег; в 4.40 всегда снится один и тот же сон; проснуться, идти на почту, где те же адресаты, те же отправители; Новый год, Рождество, майские праздники; когда кто-нибудь умирает, письма приходят еще год или два, потом на мертвеца обижаются или узнают о смерти, и больше не нужно подниматься по знакомым лестницам, и щель для почты зарастает паутиной, пока не находятся новые жильцы, и тогда появляются новые отправители, новые марки, новые почерки, и все повторяется; к восьми работа обычно заканчивается, и можно оставить на почте сумку и идти домой досыпать; сейчас 4.45, ночью выпал снег, и этот человек снова стоит на углу под фонарем, он смотрит на часы и, может быть, боишься дракона, спящего во дворе на седьмой линии, зеленого, в чешуе, сверкающей от осевшего тумана, боишься того, как ему снятся шаги под аркой, женщина, ищущая вещи на продажу в мусорном контейнере, вороны, спящие на тополях; листья лежат на земле, мокрые, черные; что по реке плывут баржи, последние в этом году; все время чего-то боишься; боишься дом на улице Даля, дом-рыбу из моего кошмара в 4.40; что когда-нибудь вместо письма найдешь в почтовом ящике желтые кленовые листья или что-то живое, шевелящееся, смотрящее на тебя; сейчас же боишься первого трамвая, стоишь на углу, на остановке, каждое утро, но никогда не уезжаешь; спуститься, открыть тебе дверь, и снова завтракаем вместе, пьем чай на кухне, молчим; пахнет снегом, яблоками, Рождеством.

***

Ей нравится твоя черепаха, она смеется и спрашивает, настроено ли пианино, да, но на нем никто не играет, и она открывает клавиатуру, и думаешь, неужели все повторяется, и она начинает играть, ты закрываешь глаза, слушаешь; очень медленно, и за окном еще дождь, стучит по подоконнику и она играет вечер; темнеет, зажигается окно напротив, здесь или там, на обратной стороне и только клавиши в темноте, уже неподвижные; как дыхание, чтобы был только ритм, один ритм и не слышать, не думать, закончила ли она играть, или все продолжается, чтобы не было ничего, кроме дыхания и запахов в темноте, и знаешь, что будет дальше, уже не с тобой, с кем-то чужим и чувствуешь ее кожей и как двигается, как перестаешь осознавать, где ты, а где она и как она зажигает спичку и ты видишь лицо, совсем незнакомое лицо, чувствуешь тепло; дым ползет в форточку, вы лежите на матрасе, курите и думаешь, как все начинает превращаться в слова, как рассыпается и ничего не можешь поделать и говоришь, чувствуешь каждое слово, но не понимаешь, о чем; все действительно повторяется, и забыть слова, но не вкус, не запах, на всю ночь, чтобы уснуть под утро, абсолютно пустым и проснуться, увидеть трубу в окне и почувствовать, что не один, и хотя бы сегодня утром слушать дыхание и не помнить, как тебя зовут, тихо встать, подойти к окну и смотреть, как сверкает снег, выпавший ночью.

***

Кошка собирается прыгнуть, кошка в прыжке, кошка на кровати, сидит, жмурится на солнце, оранжевая; когда утро и звенят трамваи; смотришь, как тает снег на крыше и неважно, кто говорит так громко в коридоре, когда кошка еще снится, она идет через комнату, следит за мухой, снова прыгает и стучат в дверь, и просыпаешься, спрашиваешь, кто здесь, но никого нет, и сон заканчивается и знаешь, что он не придет, сегодня понедельник, в среду уезжаю, вчера снег шел весь вечер, лежал на асфальте, не таял; и вечером в кафе он говорил о рыбах, плывущих по небу, и падающий снег был оранжевый, в кафе пахло апельсинами; пили кофе, видела огни машин, едущих по Большому проспекту П.С., они двигались медленно, как течет время в декабре; говорил, что как черепаха и все заканчивается где-нибудь в Удельной или в Девяткино, дальше - ничего, пустота и море, холодное зеленое море и не выбраться, послезавтра вечером уезжаю; закрыла глаза, был только голос, был снег, и часы на углу показывали час, и куда идти, когда черепаха, и огни окраин отражаются в холодном зеленом море; все повторяется, черные листья и снег на остановке; как он открывает дверь, поднимается, и слышно, как едет последний трамвай, как часы бьют два, как падает снег и говорит о рыбах или молчит на кухне; вскипает чайник, не слышать, что говорит, слушать голос, как кружится ночь без слов и дыхание, как утром Ангел спускается по лестнице; следы на снегу, его следы и следы Ангела, сон об оранжевой кошке и новый день.

***

И все равно, где, только, чтобы день был солнечный как сейчас, и лето не продлится вечно, и смотреть на черно-белые лица зимой; телефон будет уже не нужен, и положишь в альбом между игрой в мяч на пляже и стоящей в двери вагона, цветными; сейчас еще разговариваешь; смотреть, как в красном свете появляются глаза и, медленнее, лицо, губы, не может вместить слово, только буквы; не помню, что говорила, только губы, сжатые в «М» или вытянутые в «О», или просто улыбаешься, но это уже в октябре, когда темнеет рано; среди домов и июльских кошек; Ангел принесет тебе фотографии, и затеряешься в черно-белой пустыне зимой, как один день в августе; смотреть на черепаху, как ползет от стены к стене, на календарь; приближаешься к новому году, читая народные приметы и чужие именины, и если рябины много, зима будет снежной и холодной, Екатерина (греч. - чистота); после Рождества время прозрачное, ломкое; точно знаешь день встречи, шестое февраля, суббота; будет падать снег, и слишком холодно, чтобы брать с собой аппарат, но не сворачивать с Каменноостровского на Большой, а пойти прямо, к мосту; думать, как в холодном воздухе плавают рыбы, и история сбывается; никогда не показывать фотографии, чтобы думала, что - случайно; история за историей - сон повторяется; не помнить завтра с утра, начать новый круг сейчас; сейчас машины едут по набережной, горят оранжевые фонари.

***

Открыть глаза в темноте; как течет в трубе; запах тающего снега, холодно, холодно, будет еще холодней, и часа в четыре выйти, чтобы не замерзнуть, идти мимо мигающих желтым светофоров; дома обрастают инеем, сверкают; идти по трамвайным путям, слышать свои шаги и эхо шагов, и как шумит в подвале вода; по свежему снегу, как скрипит под ногами, и человек, и не подскажете, который час, и говорю, около половины пятого; он вышел из дома-рыбы, человек; чувствую, что ему снилось, его сны пахнут яблоками, ему снился август, и устал слышать телефонный голос, называющий минуты, часы; чешуя на доме искрится; он стоит, курит, знаю, не доживет до конца зимы, но дальше, дальше, вдоль трамвайных путей, под мостом человек в пальто жжет ящики и желтый огонь, и дым, и холодно, холодно; часы на стадионе показывают половину пятого, минус десять, из открытых форточек идет пар, человек на первом этаже смотрит в окно, машет рукой, задергивает штору и зажигает свет, знал, что приду; открыл, такой же молчаливый; уже горел газ, уже кипел чайник; знает, как холодно, прошел не одну ночь только ему ведомыми дорогами, но всегда чувствуешь, где он, как сейчас, и знаю, что завтра утром его здесь не будет; откроет старушка, собирающаяся к заутрене, нет, сынок, таких здесь отродясь не было; или будет опечатанная дверь, щель для писем, заросшая паутиной, и слышишь, трещит паркет в пустых комнатах; чувствую его только зимой, тоньше, чем запах - как рыба чувствует боковой линией.

***

Тома, Тома, Томуся, все будет хорошо, все будет хорошо, ведь это уже было, помнишь, на, зажми в зубы, не бойся, сейчас придет доктор, потерпи, не разговаривай, не разговаривай, все будет хорошо, тогда все было хорошо, помнишь, Тома; ложись, я подержу руки, ты меня слышишь, Тома, сейчас все пройдет, вот идет доктор, и это у него уже было, это с детства, сейчас тебе сделают укол, видишь, как хорошо, не бойся, это я, а это - доктор, садись, вот так. Тома, Тома, открой глаза, уже вечер, у тебя в метро был припадок; ты меня узнаешь, Тома, это я, ты можешь идти? Тогда сейчас пойдем, поедим и пойдем, не бойся, это трубы гудят; или здесь и останемся, здесь тепло, Ангел дал хлеба, помнишь Ангела, почтальона, помнишь, на море-окияне, на острове Буяне ангел живет, поплыву на остров, ангел мне поможет, ангел даст мне хлеба; помнишь, на улице Курице в доме Труляля, в квартире два ноля, ты весь дрожишь, Тома, на укройся, в квартире два ноля мужичек отошел, к нему ангел пришел да на небо взял, да на небо взял, хлебом накормил и водки налил, и на землю вернул, стал мужик ходить да рассказывать, как на небе был, так и ходит теперь, не помрет никак. Тома, Тома, ты спишь? Спи, спи, Ангел сказал, завтра разбудит; пойдем поутру к Ксении.

***

Алло, здравствуй, да, я, и говорить, что дождь, что сегодня снились рыбы как начать разговор, действительно, дождь, кричат чайки, там, далеко, если протянуть руку, падает дождь; там, далеко холодное зеленое море и вечерами маяк, как падает и растворяется в сумерках, кто-то считает, там, далеко, слышишь?

Ночью, и не работает телефон; ветер гудит в вентиляции, хлопают двери на лестнице - страшно; снять трубку (молчит) и говорить, говорить, говорить.

Алло, здравствуй, и как рыба, плывущая в заливе, чувствуешь кожей ток времени, отражения вспышек с берега и созвездия в небе моего октября; еще не рассказанные истории как боковая линия и не объяснить, когда стою на берегу и думаю, что как рыба и слышу - бьет хвостом по воде, и созвездия дрожат, рассыпаются на круги, в октябре вода черная, течет сквозь сон, и ты в ней, рыба, чувствую твою дрожь в вечернем воздухе, закрываю окно, и идет дождь. Нет никакой такой Л., когда горят фонари, светится пар, дышишь - или желтая лампа, стекла; вижу отражения - телефон, человека, говорящего; сквозь стекло - как бьет по карнизу дождь - и окна электрички (далеко).

Вещие сны, когда засыпаешь под утро в доме на холме, три ангела в головах, один видит, другой слышит, третий всю правду скажет, и искать всю ночь, как снится пустырь как горит трава и дым стелется по воде, ноябрь, и не видно маяка, а баржи плывут, там, далеко.

Алло, знаю, спишь и не слышишь ветра; не смотреть, как плывут в залив баржи, как горит на берегу трава, не видеть сполохов на облаках, ангела в перекрестье лучей сквозь оранжевое небо.

Думать человека, как переходит дорогу под дождем в Париже у моста Генриха IV, садится на скамейку; начало зимы и звенит небо, там, далеко; думать слепого и его собаку, как идут по городу ночью, и идет снег.

Оставить свет и лечь спать, когда одна, никогда не гашу свет ночью, пусть будет.

***

Утром еще знаю, какой день недели, потому что проснулся, когда светло, уже ноябрь, рассветает поздно, сегодня дождь, в дождь ноет нога; когда работал в цирке и упал, тоже был ноябрь, начинался сезон, был новый номер, и помню, не мог встать, и все аплодировали; как пахли опилки, когда лежал за занавесом на носилках, и зрители ничего не заметили, и в карете «скорой» был еще в гриме, ехали по проспекту, горели оранжевые фонари и потом больница, операция и месяц дома, месяц смотрел, как идут стенные часы; быстрее всего время идет в июле, снилось: ночью - цирк приезжает в город; клоуны, клоуны на велосипедах и пешком, и один рыжий подъезжает совсем близко, его велосипед кажется знакомым, похож на велосипед моего учителя, и луна, и играет музыка, зажигаются окна, и начинается праздник, если не праздник, то чего ждут, когда вечером включают свет, и смотрю на окна, разноцветные; странно, если проснуться, и нет никакой такой луны над улицей, и просто смотрел на дождь когда еще мог просто смотреть, думал о рыбах и о драконах, зачем горит до утра желтая лампа в окне напротив, и когда смогу выступать, но доктор сказал, никогда, и снова смотрел часы на стене, в феврале перестал заводить - гиря лежит на полу; маятник качается, когда проезжает трамвай, и от этого блики; вчера снилась оранжевая кошка, как ходила по комнате, снилось солнце; вторую неделю небо серое, поэтому снится; слишком старый, чтобы меняться каждое утро, сейчас, ночью, чтобы слышать голос, набрать 08, и тоже меняется, потому что говорят секунды; выйти из дома, и нищий идет, только его следы на инее, сверкающем; знаю, что нет часов, что холодно, и говорит - около половины пятого; вижу, как идет по трамвайным путям дальше, дальше, на Крестовский, пар его дыхания, поднимаюсь домой, и снится август; утром одеться, взять ящик и идти на Неву, сегодня последний день можно, завтра пойдут ледоколы.

***

Один двойной с сахаром и со сливками; потому что идет снег, и вечер - как в аквариуме, стекло черное, вижу свое отражение и мойщицу посуды, глухонемую; смотрит в окно на машины; как освещается ее лицо, ее глаза, черные, как блестят; кофе еще горячий, и думать о драконах, Граале, и сколько лет Ангелу, потому что был всегда, и когда впервые увидел его, был таким же; октябрь десять лет назад, фонари еще были белые, возвращался поздно и встретил на лестнице, он поднимался на чердак, тогда дул ветер, северный; как узнал потом, Ангел всегда поднимается на крышу, когда ветер северный, не может уснуть, и сказал: Ангел, почтальон, и что мне пришло письмо, но не было дома, и положил в ящик;

когда приходит Ангел, глухонемая уже ушла.

***